

Как звали думного дьяка Ивана Елеазаровича Цыплятева? (Из истории имянаречения в XVI в.)

DOI 10.31168/91674-483-5.29

естнадцатое столетие — безусловно одна из самых интересных эпох для отечественной ономастики. Сформировавшийся за несколько

веков самобытный язык имен собственных становится все более изощренным и, что, пожалуй, еще важнее, обрастает целым рядом вариативных возможностей, каждая из которых существует по своим, зачастую неписаным, а иногда и зафиксированным на письме правилам. Поясним, что мы имеем в виду.

Исконно при крещении всякий человек на Руси получал христианское имя, а со временем дело складывается так, что оно могло оставаться его единственным именованием на протяжении всей жизни; при этом в XVI в. наряду с подобной одноименностью в полной мере сохраняется старая практика, когда у человека, помимо имени христианского, могло быть и второе, обиходное, имя, ничего общего с церковным календарем не имеющее. Таким образом, он оказывался обладателем сразу двух имен — христианского и нехристианского (*Прокопий / Томило, Петр / Шаран, Матфей / Богдан* и др.). С другой стороны, на это время приходится расцвет традиции иной двуименности, когда у многих людей, кроме имени, полученного при крещении, имелось еще одно мирское христианское имя; носитель подобной двуименности мог быть, например, *Иваном / Титом, Дмитрием / Уаром, Федором / Авксентием, Петром / Андреем* или

В данной научной работе использованы результаты проекта «“Центры” и “периферии” в средневековой Европе», выполненного в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2017 г.

Полиевктом / Петром, Иваном / Василием или Василием / Иваном. Постригаясь под старость или на смертном одре во иночество, человек в эту эпоху практически непременно получал еще одно календарное имя, становясь *Авксентием / Арсением, Иваном / Ионой или Василием / Варлаамом.* Сталкиваемся мы и с единичными случаями — которым суждено будет во второй половине XVII в. перейти в более или менее регулярную практику, — когда следующая ступень монашеского посвящения, схимничество, ознаменовано еще одним актом перемены имени (см. подробнее: [Успенский & Успенский 2017: 40–81]).

Таким образом, в течение жизни, не выпадая из рамок традиции, можно было оставаться при одном имени, а можно было обрастать двумя, тремя, четырьмя, а то даже и пятью собственными именами. Часть из этих имен согласовывалась друг с другом по некоторым правилам, а часть могла существовать независимо. Все эти антропонимы подвергались определенной культурной дистрибуции, то есть в зависимости от ситуации было уместно пользоваться тем, а не другим именем. Замечательно, однако, что дистрибуция эта не была строгой, а правила — абсолютными.

Все это в совокупности формирует чрезвычайно пеструю и яркую ономастическую картину столетия, способную при всем том сыграть немало злых шуток с историком. Фигурирует ли, к примеру, в документах два родных брата или один обладатель двух христианских имен? Прожил ли человек всю жизнь в миру с двумя календарными именами или он принял постриг и именно тогда и поэтому получил еще одно имя? Справедливо ли некое обвинение в умышленном сокрытии подлинного именованья и в использовании имени фальшивого, или человек, как и многие его современники, в одной ситуации пользовался одним своим христианским именем, а в другой — другим? Какое из двух имен одного и того же лица, упоминаемого в тексте, является крестильным, а какое нет?

Список подобных проблем, возникающих при работе с антропонимическим материалом XVI в., нетрудно расширить, причем в некоторых эпизодах мы обречены на их неразрешимость из-за недостатка необходимых данных — подавляющее большинство составителей текстов XVI в. не ставили перед собой задачи запечатлеть многоименность упоминаемых ими персонажей во всей ее полноте, и никто из них (за исключением разве что любознательных, но не всегда компетентных иностранцев) не взял на себя труд объяснить, как, собственно, эта многоименность была устроена.

Тем не менее в имянаречении этой эпохи можно выявить целый ряд закономерностей, которые позволяют с большей или меньшей степенью надежности реконструировать функции и статус различных именованья одного и того же лица.

Во-первых, достаточно хорошо известно, что в эту эпоху монашеское имя чаще всего подбирается по созвучию или орфографическому сходству с мирским христианским именем постригаемого (см. подробнее: [Сазонов 1994: 18–19; Успенский & Успенский, 2017: 100–115]). Прделанное на сегодняшний день исследование позволяет нам совершить следующий шаг и сказать с уверенностью, что если у человека в миру есть два христианских имени, то имя иноческое будет подбираться к тому из них, которое является крестильным [Успенский & Успенский 2017: 108–112; Литвина & Успенский 2017; Литвина & Успенский, в печати]. Иначе говоря, если из разных источников можно собрать сведения о том, что у конкретного лица в миру были имена *Федор* и *Авксентий*, а в монастыре он принял имя *Арсений*, то именно *Авксентий* с высокой степенью надежности можно считать именем, полученным при крещении. Необходимо учитывать при этом, что хотя и редко, но имя при постриге могло быть дано и вовсе без оглядки на мирское, выбираться на каких-то иных основаниях, например, по календарным или семейно-родовым соображениям.

Немаловажно, во-вторых, что вся русская система христианской антропоники в XVI в. теснейшим образом связана с календарем, что запечатлено в многочисленных кормовых и вкладных книгах, синодиках, вкладных грамотах и иных близких к ним по жанру документах эпохи. Существенно, в частности, что если по человеку предписывалось совершать особые ежегодные поминовения, то они приурочивались ко дню его кончины, дню празднования его святого тезки по крестильному имени, а иногда еще и ко дню святого, тезоименитого усопшему по еще одному, некрестильному христианскому имени, если таковое имелось. Вообще говоря, в церковном обиходе личные имена человека и даты, связанные с его небесными покровителями, образуют единый и сложно переплетенный комплекс, в котором один недостающий элемент иногда может быть восстановлен по совокупности других, присутствующих в текстах.

Относительно простыми для понимания функционального статуса каждого антропонима представляются те случаи, когда по разным документам мы можем собрать три христианских имени некоего человека, причем одно из них заведомо иноческое. Так, жена Даниила Строганова (дочь Гавриила Едемского) в миру была обладательницей имен *Ольга* и *Акилина*, а постриглась как *Антонида*, из чего мы вправе сделать вывод, что крестильным из двух ее мирских имен было именно *Акилина*¹. В полном соответствии с этим предположением

¹ Ср.: «146-м <1638> году августа в 7-й день преставися Акилина, а во иноцех Антонида схимница Гаврилова дочь Едемского, пореклому Ольга Данилова

для ее поминовения в году назначен один день — 13 июня [Яцимирский II: 227], когда церковь отмечает память Акилины, мученицы Вивлийской. Здесь все компоненты своеобразного антропонимического досье легко согласовываются друг с другом и не нуждаются в реконструкции.

Именно подобные — достаточно ясные — случаи формируют модель, позволяющую работать с теми ономастическими казусами, где светскую христианскую двуименность, например, можно лишь заподозрить. Так, в документах мы нередко сталкиваемся с ситуацией, когда человек при жизни назначает дату корма по себе, разительным образом не связанную с тем светским христианским именем, под которым он фигурирует в том же источнике. В чем ключ к такой ситуации? Почему человек, именующийся *Дмитрием*, действует, казалось бы, вопреки общепринятой практике и просит помянуть себя в некий день, на который в месяцеслове не приходится никто из свв. Дмитриев? Если бы речь шла о каких-то посмертных вкладах, мы могли бы решить, что это попросту день его преставления, однако собственноручный вклад, разумеется, исключает такую интерпретацию. Как же тогда можно объяснить произошедшее?

Очень выразительна в этом отношении антропонимическая история думного дьяка Ивана Елеазаровича Цыплятева. В своей данной архимандриту Московского Чудова монастыря, датируемой 1567/68 г., он при жизни отдает некоторую часть земельных владений на помин своих родителей, а в будущем — себя самого и своей жены, добросовестно расписывая, в какие дни кого из членов семьи следует помянуть. Всюду мы видим в чем-то идеальную последовательность: отец Ивана именуется *Елеазаром* и должен помянуться «августа в 1 день, на память Седми Маковей и учителя их Елиозара», мать именуется *Марьей* и помянуть ее следует «июля в 12 <22>² день, на память святых и равноапостольных Марии Магдалины», жена Ивана Цыплятева названа *Пелагеей* и помянуть ее следует «октября в 8 день, на память святые преподобные матере нашей Пелагеи».

Более того, в тексте упоминается, что отец Цыплятева, обладатель имени *Елеазар*, в иночестве стал *Евфимием* — относительно Иванова отца, таким образом, мы получаем полную, абсолютно традиционную и непротиворечивую картину, согласно которой человека при постриге нарекают именем, совпадающим по первой букве с

жена Строганова; жила 80 лет» (ГИМ, собр. Щукина, № 459: л. 47) [Яцимирский II: 227]. В.С. Безроднов полагал (как нам представляется, ошибочно), что крестильным именем Строгановой было *Ольга* [Безроднов 2011: 96, примеч. 78].

² В публикации этого текста [Кистерев 2003: 177–178, № 69] дважды появляется сбой в календарных числах на десятках — память Марии Магдалины отмечается не 12, а 22 июля, тогда как память св. Елевферия (см. ниже) не 5 декабря, а 15.

тем единственным именовани­ем, которое нам известно для него в миру, а поминают после кончины в день святого тезки по этому же мирскому имени.

Собственно «непорядок» с именами и поминовениями из всех лиц, перечисленных в данной, есть только у одного — у самого Ивана Цып­лятева. Он предписывает по­минать себя на 5 <15> декабря, да еще и указывает имя конкретного святого, память которого празднуется в этот день:

...а после моего живота меня, Ивана, декабря в 5 <15> день, на память свя­того священномученика Елеуферья [Кистерев 2003: 178, № 69].

Почему же человек, именуемый *Иваном*, стремится к тому, чтобы его поминали на св. Елевферия, а не на память кого-либо из свв. Иоаннов, коих в месяцеслове великое множество? Пролить свет на это обстоятельство позволяет тот факт, что позже Иван Цып­лятев примет постриг под именем *Евфимий* — тем же самым, что некогда получил в иночестве его отец, Елеазар (Евфимий) Цып­лятев. Можно допустить, конечно, что Цып­лятев-младший попросту подражал своему отцу, и такое монашеское имя было дано ему исключительно по родовым соображениям, вне ориентации на имя мирское³. Отчасти, по-видимому, так оно и было. Нельзя не заметить, однако, что имя

³ Вообще говоря, монашеские имена иногда могут осмысляться как некий семейный атрибут, элемент родовой традиции: сын может брать себе то же монашеское имя, что было у его отца или деда (ср., например, показания так называе­мого Ростовского соборного синодика, упоминающие князя Бориса Федоровича, принявшего постриг с именем *Федор* [Конев 1995: 106, л. 71]), а иногда порядок наследования имени инвертируется и антропонимическим донором становится младший, а не старший член семьи — к примеру, мать, пережившая дочь, может принять ее мирское имя в качестве иноческого. Так поступила, судя по всему, мать царицы Анастасии Романовны (урожденной Захарьиной), теща Ивана Грозного и жена Романа Юрьевича Захарьина. В миру она звалась *Иулиания*, а когда, уже после смерти дочери, принимала постриг, то получила имя *Анастасия*, воспроизводящее имя дочери (ср.: [Гиршберг 1960: 62, № 135]). Известна, в частности, надпись на надгробной плите в Вознесенском соборе Московского Кремля: «...великомученика Федора Стратилата преставися раба Божья Романова жена Юрьевича Ульяна в иноцех скимница Настася в 1 часу ночи» [Панова 2003: 33, № 100] или эпитафия, выбитая на крышке ее саркофага: «Лета 7087 <1579> июня в 8 день на память свя­таго великаго мученика Федора Стратилата преставис раба Божия инока схимница Настасья Романова жена Юрьевича на первом часу ночи» (Т.Д. Панова несомненно ошибается, когда утверждает, что «в надписи на саркофаге монашеское имя погребенной не приведено» [Панова 2006: 36], — напротив, здесь отсутствует как раз мирское имя усопшей). Ср. также в Кормовой книге Псково-Печерского монастыря: «Прест. Никиты Романовича мать ин. Анастасія» [Апухтин 1914а: 38].

Евфимий, никак не сочетающееся с именем *Иоанн*, по первой букве прекрасно подходит к имени *Елевферий*, на день которого Иван Цыплятев просит себя поминать.

Таким образом, у нас есть возможность сложить имеющиеся у нас, на первый взгляд, не подходящие друг другу элементы в стройную и последовательную картину. Цыплятев, дающий вклад по себе и своим родным, был обладателем двух имен, публичного *Иван* и крестильного *Елевферий*; при его монашеском наречении, в полном соответствии с традицией, ему дали иноческое имя, начинавшееся на ту же букву, что и крестильное, причем из множества подходящих по этому признаку антропонимов месяцеслова выбрали как раз тот, что принял в иночестве его покойный отец, и Иван / Елевферий стал *Евфимием*.

Данная гипотеза кажется еще более правдоподобной благодаря тому, что существует множество записей, где крестильное имя того или иного лица присутствует в скрытой, так сказать, латентной форме, тогда как в другом источнике оно может быть названо напрямую. Достаточно указать, например, на запись во Вкладной книге Ярославского Толгского монастыря, где боярин и дворецкий Григорий Васильевич Годунов именуется исключительно *Григорием*, но поминать его предписывается на преставление и на 28 сентября, «на память преподобнаго отца нашего Харитона» [Козляков 1992: 17]. При этом из целого ряда других источников мы доподлинно знаем, что у Григория Васильевича в миру также было имя *Харитон*, а постригся он с именем *Христофор*⁴.

Естественно предположить, что с такой же ситуацией двуименности, прочитывающейся благодаря монашескому имени и дате поминовения, мы сталкиваемся и в случае с Иваном Цыплятевым. Трудно сказать, какая тонкая игра прижизненных или посмертных обстоятельств привела к тому, что у нас в руках нет текста, где Иван Елеазарович непосредственно именовался бы *Елевферием*. Замечательно, однако, что в нашем распоряжении имеется его собственноручная запись, где он не более чем на полшага отстоит от такого именованья.

Запись эта, помимо всего прочего, позволяет нам заглянуть в сложный и в чем-то весьма изощренный мир почитания соименных святых в XVI в. В качестве вклада «в домъ Христова Воскресенія»

---

⁴ Ср., например, сведения из вкладных книг 1) Александро-Свирского монастыря: «...да прислалъ с Москвы вкладъ Государевъ бояринъ и дворецкой Григорій Васильевичъ Годуновъ И руб. а имя Григорію Харитонъ, а во иноцехъ Христофоръ» [Выписка... 1853 (№ 11): 4]; 2) Псково-Печерского Успенского монастыря: «Пам. Государеву боярину и дворецкому, Григорію Васильевичу Годунову, а имя ему Харитонъ, во ин. Христоворъ» [Апухтин 1914: 10].

Иван Цыплятев дает огромную (1124 листа) рукописную книгу Сборник или Торжественник (РНБ, Погод., № 949), причем специально оговаривает, что в этой церкви есть придел св. Елевферия⁵ и, что для нас особенно важно, называет священномученика Елевферия своим ангелом:

(И)ванъ, Елизаровъ сынъ, Цыплятевъ (приложилъ?) в домъ Христову воскресенію и... св... сию книгу Сборникъ да своему алгилу (sic!) к Олѣер. священномученику по своему отцѣ и матери и по всемъ роду и племени всемь [Шляков 1914: 103].

Вполне объяснимо, почему в этом тексте Цыплятев не приводит Елевферий в качестве своего имени, — вклад делается либо после его пострижения, либо непосредственно в связи с ним, когда жертвователю получает новое имя *Евфимий*:

И за меня нынѣ за уздравіе инока Еуѳиміе Бога молить, а родъ мой весь по сенонику и поминанью за упокои поменать... [Там же].

Крестильное имя как таковое, в какой-то момент определившее имя иноческое, теперь должно быть, естественным образом, им вытеснено. С другой стороны, как это было принято в монашеской практике, свои именины чернец продолжает отмечать на день своего небесного патрона по имени крестильному — этот святой в полной мере остается его ангелом-покровителем и после пострига, более того, именно к памяти святого, тезоименитого по крестильному (а не по иноческому!) имени, обыкновенно приурочиваются корма и поминальные службы после кончины монаха.

Иван Цыплятев был, пожалуй, самой заметной фигурой в своей семье, но и вся она, давшая два поколения думных дьяков, принадлежала к своеобразной административной элите, если такое выражение вообще применимо к людям XVI столетия. Благодаря этому обстоятельству в нашем распоряжении есть еще один текст, вносящий своего рода последний штрих в антропонимическое досье Ивана Елеазаровича.

В одном из списков Синодика Московского Успенского собора обнаруживается следующая запись, специально отмеченная С.Б. Веселовским:

---

⁵ «А то будутъ священниковъ у Христова Воскресенья и у священномученика Елуѣерья и по нихъ хто будетъ, ино тѣмъ священникомъ, хто ни будетъ, тѣхъ моихъ книгъ всѣхъ, что есми положилъ въ домъ Христову воскресенію и священномученику Елуѣерью, тѣхъ книгъ ни продать и ни саложити и ни въ запись не писати и ни иною хитростью изхитрити...» [Шляков 1914: 103].

<Род Елизара Ивановича Цыплятева> Ивана, иноку Ксению, Марию, Анну, Евфимия схимника, Елевферия, иноку Парасковию схимницу [ГИМ, собр. Успенского собора, № 64: л. 273об.; Веселовский 1975: 559].

Как известно, синодики (при всей огромной ценности этих документов для исследователя) сами по себе зачастую являют собою нечто вроде шифра с утраченным ключом, который, в отличие от большинства шифров, может быть прочитан и так, и эдак — содержащиеся в них россыпи христианских имен разными исследователями могут очень по-разному соотноситься с другими имеющимися сведениями о конкретных исторических лицах. Чем пространнее конкретная статья синодика, чем больше в нем имен как таковых (и, в особенности, чем больше имен повторяющихся), тем затруднительнее процесс отождествления, а в ситуации христианской двуименности его неоднозначность заведомо возрастает.

В данном случае нам повезло — запись о Цыплятевых из Синодика Успенского собора весьма компактна. При этом не будь у нас указаний всех рассмотренных выше источников, мы могли бы попросту не узнать, что за человек скрывается в Синодике Успенского собора за именем *Елевферий*, поскольку никакого самостоятельно действующего Елевферия Цыплятева в прочих памятниках XVI–XVII вв. мы не обнаружим. С другой стороны, без показаний Синодика мы не могли бы быть уверены в том, что среди трех поколений семьи Цыплятевых был некто обладающий крестильным именем *Елевферий*⁶, а благодаря данному тексту хотя бы в этом не остается никаких сомнений.

Итак, совокупность данных Синодика и записей о двух вкладах Ивана Цыплятева (земельное владение и рукопись) позволяют почти наверняка опознать в нем носителя христианской двуименности, обладателя мирских имен *Иоанн* и *Елевферий*, при этом имя *Елевферий* было получено при крещении, тогда как имя *Иоанн* в полной мере обладало статусом светского публичного имени. Разумеется, подобная модель реконструкции крестильного имени по трем элементам — публичному имени, «не подходящему» к нему имени иноческому и дате поминовения на память святого, имя которого не со-

⁶ Заодно эта запись дает нам ряд других любопытных сведений об антропимиконе его семьи: мы можем лишний раз убедиться, например, что христианское некрестильное имя наш главный герой получил по своему деду, Ивану Цыплятеву-старшему, а также еще раз удостовериться в том, что в рассмотренной нами вкладной записи на рукописи Торжественника его жена Пелагея фигурирует под своим крестильным именем, а затем, в полном соответствии с традицией, постригается под именем *Прасковья*, начинающимся на ту же букву, что и *Пелагея*.

впадает с публичным, но «подходит» к иноческому, — оказывается продуктивной и в целом ряде других эпизодов, хотя восстановленные таким образом именованья зачастую обречены оставаться именами гипотетическими.

Принятые сокращения

Апухтин 1914 — *Апухтин В.Р.* Псково-Печерский Успенский монастырь и его вкладная книга 1558 г.: Краткий исторический очерк. М., 1914. (Историко-родословное общество в Москве.)

Апухтин 1914а — *Апухтин В.Р.* Кормовая книга Псково-Печерского монастыря // *Летопись Историко-родословного общества в Москве.* 1914. Вып. 1 (37-й). Год десятый. С. 23–42.

Безроднов 2011 — *Безроднов В.С.* Вкладная и кормовая книга Коряжемского Никольского монастыря // *Вестник церковной истории.* 2011. Вып. 1/2 (21/22). С. 56–116.

Веселовский 1975 — *Веселовский С.Б.* Дьяки и подьячие XV–XVII вв. М., 1975.

Выписка... 1853 — Выписка из рукописной Вкладной книги Александровского монастыря // *Олонецкие губернские ведомости.* 1853. № 10–29.

Гиришберг 1960 — *Гиришберг В.Б.* Материалы для свода надписей на каменных плитах Москвы и Подмосковья XIV–XVI вв. Ч. I: Надписи XIV–XVI вв. // *Нумизматика и эпиграфика.* 1960. Вып. I. С. 3–77.

ИОРЯС — Известия Отделения русского языка и словесности Академии наук. СПб./Пг., 1896–1927. Т. I–XXXII.

Кистерев 2003 — *Кистерев С.Н.* Акты Московского Чудова монастыря 1507–1606 годов // *Русский дипломатий / Отв. ред. А.В. Антонов.* М., 2003. Вып. IX. С. 59–234.

Козляков 1992 — *Козляков В.Н.* Толгский монастырь XVII века и его вкладчики // *Ярославская старина: Из архива русской провинции.* Ярославль, 1992. С. 14–22 (текст кормовых и вкладных книг на с. 17–20).

Конев 1995 — *Конев С.В.* Синодология. Ч. 2: Ростовский соборный синодик // *Историческая генеалогия.* Екатеринбург; Нью-Йорк, 1995. Вып. VI. С. 95–106.

Литвина & Успенский 2017 — *Литвина А.Ф., Успенский Ф.Б.* Христианская двуименность на Руси в XIV–XVI веках. Догадки и закономерности // *Вспомогательные исторические дисциплины в современном научном знании: Материалы XXIX Международной научной конференции.* Москва, 13–15 апреля 2017 г. М., 2017. С. 41–44.

Литвина & Успенский, в печати — *Литвина А.Ф., Успенский Ф.Б.* Монашеское имя и феномен светской христианской двуименности в допетровской Руси // *Средневековая Русь / Отв. ред. А. А. Горский.* Вып. XIII. В печати.

Панова 2003 — *Панова Т.Д.* Некрополи Московского Кремля. М., 2003. 2-е изд., испр. и доп.

Панова 2006 — *Панова Т.Д.* Ранний этап развития московского надгробия: Материалы XIV–XVI веков из собрания музея-заповедника «Московский Кремль» // Русское средневековое надгробие XIII–XVII века: Материалы к своду / Отв. ред. и сост. Л.А. Беляев. М., 2006. Вып. I. С. 31–37.

Сазонов 1994 — *Сазонов С.В.* Монашеское имя Александра Невского и традиции монашеского имянаречения в средневековой Руси // Сообщения Ростовского музея. Ростов, 1994. Вып. VI. С. 16–24.

Успенский & Успенский 2017 — *Успенский Б.А., Успенский Ф.Б.* Иноческие имена на Руси. СПб., 2017.

Шляков 1914 — *Шляков Н.В.* Житие св. Алексея митрополита московского в Пахомиевой редакции // ИОРЯС. 1914. Т. XIX/3. С. 85–152.

Яцимирский I–II — *Яцимирский А.П.* Опись старинных славянских и русских рукописей собрания П.И. Щукина / Изд. П.И. Щукина. М., 1896–1897. Вып. I–II.